

Литературное наследство

Выпуск 31–32. Часть 1

УДК 82
ББК 83
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 31–32. Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 496 с.

ISBN 978-5-458-53198-6

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивно-забытых и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

Отсутствуют страницы 144, 210, 211, 212, 213, 214, 223, 224, 225, 226, 227.

ISBN 978-5-458-53198-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПУШКИН И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья Б. Томашевского

I

Роль французской культуры в жизни и творчестве Пушкина несоизмерима с ролью какой бы то ни было другой иностранной культуры. Различие здесь не только количественное. Главное различие—качественное. Французская литература для Пушкина не была, подобно, например, итальянской или английской, только совокупностью произведений, в той или иной мере достойных внимания, изучения и подражания. Французская литература являлась той культурной средой, в которой воспитывалось пушкинское поколение; для многих эта среда была более родной, чем русская. Франция была, кроме того, посредницей между русскими читателями и всей мировой литературой. Для Пушкина французский язык был вторым родным языком. Мы знаем, что именно во французском переводе Пушкин читал итальянских авторов, например, Манцони «I Promessi sposi», хотя мог читать итальянцев и в подлиннике; по-французски Пушкин читал Байрона, В. Скотта и Шекспира в период своего увлечения ими и лишь позднее изучил английский язык настолько, что мог свободно читать на нем; по-немецки Пушкин читать не любил и тоже во французских переводах читал Шлегеля, а позднее Гофмана, Гейне, Жан-Поля и даже сказки Гримма. Конечно, и античные авторы и восточные были известны Пушкину преимущественно во французских переводах. Наиболее характерным является факт перевода Пушкиным сборника «La Guzla»; этот перевод показывает, что даже славянскую поэзию Пушкин считал возможным брать во французской интерпретации. Франция была передатчицей иных культур, иных национальных ценностей. Но эта передача не была механической. Дело не в том, что Пушкин лучше понимал по-французски, чем на иных языках, и потому принужден был обращаться к французским переводам. Дело в том, что самое обращение его к тому или иному факту иноязычной литературы подсказано было интересом к этому факту, возникшему во французской среде. Франция не просто передавала Пушкину те или иные ценности,—она его заражала интересом к этим ценностям, она возбуждала в нем внимание к ним. В черновиках «Онегина» имеются стихи, характеризующие кругозор Онегина:

Он знал немецкую словесность

По книге госпожи де Сталь...

Стихи эти отражают сложный факт влияния одной культуры на другую. Знать немецкую словесность по книге Сталь—это вовсе не то же самое, что изучать персидскую литературу по английскому курсу. Здесь предполагается интерес не только к немецкой словесности, но к Сталь, как к писательнице и мыслителю, интерес к самой книге, которая в свое время

имела боевое значение (достаточно вспомнить историю ее запрещения во Франции). Здесь мы имеем случай, когда самый интерес к иноязычной литературе возбужден фактами французской культуры.

В какой-то степени это справедливо и по отношению изучения южно-романских литератур по книге Sismondi «De la littérature du Midi d'Europe». И здесь интерес к предмету книги соединяется с интересом к автору, которого Пушкин знал, как мыслителя, историка и экономиста (ср. «Записку о народном воспитании»), и который являлся для него, как и для его старших современников, Гнедича и Батюшкова, большим авторитетом в вопросах литературы.

В. Кюхельбекер, провозглашавший национальное возрождение, писал в 1824 г.: «Было время, когда у нас слепо припадали перед каждым французом, римлянином или греком, освященным приговором Лагарпова «Лицея». Ныне благоговеют перед всяким немцем или англичанином, как скоро он переведен на французский язык: ибо французы и по сию пору не перестают быть нашими законодателями: мы осмелились заглядывать в творения соседей их единственно потому, что они стали читать их».

Нельзя упускать из виду, что Франция со времени революции привлекала к себе внимание передовых слоев всего человечества. Исключительна осведомленность Пушкина и его современников в фактах французской жизни, начиная с быта и явлений, казалось бы, местного французского значения и кончая литературой, политикой и всеми проявлениями интеллектуальной жизни. Французские газеты и журналы являлись для русских предметом такого же повседневного чтения, как и русские. Во Франции возникали и созревали в обстановке напряженной борьбы те идеологические системы, которые указывали пути прогрессивного развития для других европейских государств.

Не следует смешивать этот острый интерес к Франции и ее жизни с «галломанией» и пассивным восприятием внешних форм культуры, в частности, французских мод и французских вкусов. Галломания, явление весьма типичное для России XVIII и начала XIX вв., характеризуется некритическим перенесением французского на русскую почву. Для Пушкина характерно критическое отношение к французской культуре. При несомненном преобладании французских интересов в его интеллектуальной жизни, именно ко всему французскому он особенно требователен и придирчив. Если бы с определенной предвзятой точки зрения подобрать цитаты из высказываний Пушкина о французской литературе, то нетрудно было бы создать то, по существу, ложное впечатление, что Пушкин был врагом всего французского, так часто в его словах звучит досадливое недовольство по отношению к тому или иному явлению французской литературы. Но, по существу, эта досадливость отзывов свидетельствует лишь о крайней заинтересованности Пушкина. Чтобы понять эту, иной раз чрезмерную, раздраженность, необходимо учитывать два момента: первое—это то, что обращение к французской культуре никогда, кроме разве ученических лет, не было у Пушкина пассивным, не было подражательным. В основе запросов, на которые Пушкину отвечали уроки французской культурной жизни, лежали интересы национального развития русской мысли. Именно в процессе создания русской национальной литературы Пушкин был европейцем в лучшем смысле слова и учитывал не только опыт своих русских предшественников, но и опыт всей мировой литературы. Только это позволило Пушкину наметить такие пути в развитии русской литературы,

идя по которым она вскоре стала передовой в семье европейских литератур, оставаясь национальной. Другая причина, объясняющая резкость суждений Пушкина,—это обстановка времени, обстановка интенсивной литературной борьбы в годы его литературного становления. Для того, чтобы понять роль тех или иных иностранных влияний в творчестве Пушкина, необходимо отказаться от представления о мирном сожительстве разных течений в литературе. Двадцатые годы XIX в. знаменуют напряженную и непрерывную борьбу, создавшую сложное взаимоотношение литературных группировок. Пушкин принимал непосредственное участие в этой борьбе и был заражен страстностью борющихся партий. В отрицательных отзывах Пушкина звучит не пристрастность отрицания, а страстность борьбы.

Сама культурная обстановка, в которой рос и воспитывался Пушкин, неизбежно вела его к ближайшему знакомству с французской интеллектуальной жизнью. Здесь влияло и предшествующее развитие русской литературы, носившее на себе глубокие следы воздействия французских традиций, которым подвергались, впрочем, и другие национальные литературы XVIII в. Здесь сказался быт русского дворянства, который с екатерининских времен испытал сильное влияние Франции, в результате которого для многих представителей русского дворянского общества родным языком наравне с русским был французский.

Если вспомнить обстановку, в которой рос Пушкин, то неизбежность французского влияния становится очевидной. Воспитатели Пушкина были французы. Воспоминания, продиктованные сестрой Пушкина, говорят об этом: «Первым воспитателем был французский эмигрант граф Монфор, человек образованный, музыкант и живописец; потом Русло, который писал хорошо французские стихи, далее Шедель и другие. Им, как водилось тогда, дана была полная воля над детьми. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски»². О двух из этих гувернеров—Монфоре и Русло—Пушкин упоминает в плане своей автобиографии; второй из них, Русло,—повидимому, тот самый, который был гувернером у будущего декабриста И. Якушкина³. Ближайшие родственники Пушкина были галломаны. Что касается его дяди, Василия Львовича, то его галломания служила предметом анекдотов и насмешек; достаточно прочитать характеристику, данную ему Ф. Ф. Вигелем⁴, чтобы в этом убедиться. Отец Пушкина, Сергей Львович, походил в этом на брата. Оба брата, между прочим, считались хорошими декламаторами французских стихов. Василий Львович любил декламировать Расина, Сергей Львович—Мольера. Самые посетители дома Пушкиных способствовали укреплению культа Франции. В воспоминаниях сестры говорится: «В доме родителей собиралось общество образованное, к которому принадлежало и множество французских эмигрантов. Между этими эмигрантами замечательнее был граф [Ксавье де] Местр, занимавшийся тогда портретною живописью и уже готовивший в свет свои «*Voyages autour de ma chambre*»; он, бывая почти ежедневно, читывал разные свои стихотворения». Легко понять, почему Пушкин свои первые стихи писал по-французски, подражая в них Мольеру, Лафонтену и Вольтеру. Несомненно, французские классики были первыми литературными впечатлениями Пушкина, и следы этих первых впечатлений чувствуются на протяжении всей его творческой жизни. Не является преувеличением сообщение, что в лицей Пушкин поступил, уже основательно знакомый с классической французской литературой. Он продолжал читать классиков, повидимому, без всякого педагогического надзора. В первых

его произведениях 1813 г.—«Монах» и послание «К Наталье»—отразилось знакомство с литературой, отнюдь не предназначенной для детского чтения. В «Монахе» мы видим неприкрытое подражание «Девственнице» Вольтера и след хорошего знакомства с поэзией конца XVIII в., с эротическими и мифологическими поэмами типа «Искусство любви» Бернара, произведениями кардинала Берниса и т. п. Эпиграфом к посланию «К Наталье» является стих из «Послания к Марго» Ш. де Лакло, являющегося сатирой на фаворитку Людовика XV Дюбарри. Первый известный нам автограф Пушкина—русская запись в альбоме Горчакова—прозаический перевод известного мадригала Прадона: «Vous n'écrivez que pour écrire!». Можно утверждать, что произведения эти не случайно попали в руки маленькому Пушкину: они входят в систематическое чтение, и перечень любимых писателей в «Городке» подтверждает это. Французскую литературу XVII и XVIII вв. Пушкин изучил в лицее и на уроках и вне уроков в достаточной степени. Недаром товарищи звали его «Французом».

Лицейское воспитание поддерживало в Пушкине преклонение перед французскими классиками. Настольной книгой в преподавании были курс Лагарпа и поэтики вроде «Poétique française» par Domairon.

Здесь же в лицее преподавал брат Марата—де Будри, рассказ о котором сохранился в бумагах Пушкина (в серии анекдотов Table Talk). В его лице Пушкин столкнулся непосредственно с человеком, близко связанным с революционной Францией.

Вообще необходимо учитывать впечатления Пушкина от политических событий, которые возбуждали его внимание ко всему происходившему во Франции. Ведь Пушкин родился во время суворовского похода в Италию, за 5 месяцев до 18 брюмера; его детство протекало в обстановке военных и политических событий империи Наполеона, и его первыми детскими впечатлениями от политических разговоров старших должны были быть Аустерлиц, Фридланд, Тильзит. Почти все годы, проведенные в лицее, проходят в обстановке войны 1812 г. и последующих военных и дипломатических событий. Лицеисты были свидетелями отправления войск в поход; они находились под угрозой французской оккупации и готовились к эвакуации из Царского села; они были свидетелями возвращения гвардии из заграничного похода; их ближайшими друзьями вне лицея были гусары, вернувшиеся из-за границы, своими рассказами пробудившие в них политическую мысль. На них действовала обстановка ликвидации режима Наполеона и последних следов революции, переход европейской гегемонии от Франции к союзу монархов с Александром во главе. Во всех этих впечатлениях Франция играла первую роль. Естественно было внимание к французской мысли и французской литературе. В эти годы интересы политики и литературы были нераздельны. Не говоря уже о том, что политические деятели той эпохи (Сталь, Б. Констан и Шатобриан) были одновременно и крупными писателями в области художественной литературы, явлений политического нейтралитета почти не наблюдалось (если не говорить о типичных «флюгарках» той эпохи, для которых смена убеждений тоже была своеобразной формой политического самоутверждения); всякое литературное течение связывало себя с той или иной формой политического и философского мышления. Политическая борьба и столкновения литературных направлений протекали в одном русле. Поэтому политические интересы не притупляли восприятия фактов художественной литературы; кстати сказать, и границы художественной литературы и пу-

блицистики в эти годы были несколько иные, чем впоследствии, и, во всяком случае, менее четкие.

По выходе Пушкина из лицея стимулы, возбуждавшие его внимание к политическим и литературным событиям французской жизни, не ослабли, а, наоборот, возрастали. Перестав быть учеником, Пушкин сам выступает, как активный деятель, и в области литературы и в области политики. Первые годы его петербургской жизни ознаменованы агитационно-политической лирикой. Завязывается тесная связь с деятелями

*Ce livre appartient
à Catherine Gontschakoff*

*Alexandre
Pouchkine —*

FABLES
de
FÉNÉLON,
Edition ornée de Figures.



A PARIS,
Chez BILLOIS, Libraire,
Quai des Augustins, N° 31.
1809

ТИТУЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ЭКЗЕМПЛЯРА „БАСЕН ФЕНЕЛОНА“, ПО КОТОРОМУ ПУШКИН
В ДЕТСТВЕ ЗАУЧИВАЛ НАИЗУСТЬ ОТРЫВКИ

Надпись Пушкина на книге — самый ранний из известных автографов поэта (1811—1812 гг.); сверху помета рукой Е. Н. Гончаровой, которой эта книга была подарена Н. Н. Пушкиной

Собрание О. В. Цехновицера, Ленинград

тайного общества. Роль французской публицистической мысли в формировании политических убеждений будущих декабристов известна. Они изучали как классиков, вроде Монтескье, так и современных мыслителей и деятелей: имена мадам де Сталь, Бенжамена Констан, Руайе-Коллара, Делольма и др. пользовались почетом и авторитетом. Небесследно для Пушкина прошло увлечение экономическими системами Сея и Сисмонди (повидимому, не без руководства Николая Тургенева в данном вопросе). Но Пушкин был не только автором политических стихотворений, вызвавших его высылку на юг. Он был также творцом «Руслан и Людмила», а после 1820 г. становится признанным вождем русского романтизма.

Тем самым Пушкин делается участником романтической полемики, как прежде он был участником полемики арзамасской. Но русская политическая полемика находилась в зависимости от полемики французской. Новые литературные группировки Франции, полемика, развивавшаяся в 20-е годы в журналах, газетах, литературных манифестах, на театральных подмостках, увлекает Пушкина всё больше и больше. Его увлечение английской литературой—Байроном и Вальтером Скоттом—совпадает с годами огромной популярности этих писателей во Франции, и именно во французских переводах Пушкин знакомится с ними, точно так же как позднее он обратится к изучению Вордсворта и лэкистов по следам Сент-Бёва. Не только в обстановке европейского порто-франко Одессы, но и в ссылке на севере он внимательно следит за событиями французской жизни, за хроникой событий. Внимание его распространяется на всю европейскую жизнь. Он в курсе не только крупных политических событий, но и мелочей французского быта. Никогда не выезжавший из России Пушкин знал, тем не менее, отлично, что происходило во Франции. Газет, рассказов приезжавших из Франции было достаточно для него, чтобы интенсивно жить интересами Парижа. В этом отношении любопытны мелкие черточки из его произведений, свидетельствующие о степени внимания к событиям во Франции. Так, в шестой главе «Онегина» упоминается ресторан Véry, привлекавший в начале века гастрономов Парижа в гостеприимные сени Пале-Рояля. В «Графе Нулине» охарактеризована театральная жизнь Франции с большой точностью:

«А что театр?»—О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié,
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс, увь! стареет.
За то Потье, le grand Potier
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один.

Здесь голос завсегдадая парижских театров и любителя театра Бульваров воспроизведен с большим знанием дела. Потье, «le comédien le plus ingénieux, le plus varié et le plus amusant, le comédien de la multitude et de la bonne compagnie»*, как его характеризуют современники (в «Театральном альманахе» 1824 г.), конечно, должен был возбудить восторг графа Нулина, но нужно было хорошо знать театральный быт Парижа, чтобы оперировать его именем, как характеристической чертой для обрисовки типа Нулина. В черновиках «Домика в Коломне» мы читаем:

Как Мазюрье во образе Жоко...

Это нас переносит в обстановку театра Porte Saint-Martin, где в 1825 г. была поставлена мелодрама «Бразильская обезьяна», в которой мим Мазюрье играл роль обезьяны Жоко и прыгал «по крашеным дубравам», вызывая энтузиазм зрителей.

Для определения быстроты реакции Пушкина на парижские театральные постановки характерен следующий факт: 11/23 февраля 1828 г. Титов писал Погодину о том, что Пушкин читал ему «письмо о Годунове». В этом письме Пушкин пишет: «Благодаря французам, мы не понимаем, как дра-

* Потье, актер самый изобретательный, самый разнообразный, самый занимательный. Любимец толпы и хорошего общества.

матический автор может совершенно переселиться в век изображаемый; француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или с Quotidienne (зачеркнуто: Drapeau blanc) перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберию, Леонида высказать его мнение о Виллеле или Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много журнальных выходов, но трагедии истинной не существует». Зная документальность Пушкина, мы можем определенно утверждать, что он имеет в виду совершенно определенные факты. Так, «Сцилла» есть, конечно, «Sylla», трагедия Жуи, поставленная в декабре 1821 г.; в ней история Наполеона перелицована на древне-римский лад, чем и объясняются цензурные купюры слишком прозрачных «применений». «Леонид» — это, несомненно, «Leonidas» Пиша (Pichat), поставленный в ноябре 1825 г. Вот как в свое время объясняли успех трагедии (впрочем, имевший и другую, чисто литературную, подоплеку, поскольку эта трагедия выдавалась за опыт театрального романтизма, хотя и была писана по всем правилам классической трагедии): «La circonstance a puissamment servi l'auteur, et l'enthousiasme qu'excitent ses beaux vers s'applique autant aux héros de Missolonghi qu'à ceux des Thermopyles»^{*5}. Наконец, «Тиверий» есть не что иное, как «Dernier jour de Tibère», трагедия Л. Арно, поставленная впервые 2 февраля 1828 г., трагедия, в которой история сознательно искажена для большей близости положений к современным политическим интересам. Итак, через 21 день после постановки этой трагедии в Париже уже существовало письмо Пушкина, в котором мы находим след его осведомленности об этой постановке. Пушкин был в курсе успехов французского театра (то, что трагедия эта имела крупный успех, доказывается хотя бы тем, что заметка об этой трагедии под словом Tibère включена в словарь Ларусса: здесь трагедия названа «La mort de Tibère»).

Интерес Пушкина к Франции, достаточно интенсивный в годы романтической полемики, еще более усиливается после 1830 г., когда события Июльской революции и ее последствия привлекают его особенное внимание. Любопытно отметить место, занимаемое в журнале Пушкина «Современник» парижскими письмами А. Тургенева. Собственно, только эти письма и содержали в себе европейскую политическую хронику. Самый характер этих писем свидетельствует о том, что интересовало Пушкина и его круг в жизни Франции. Известна борьба, которую пришлось выдержать Пушкину против придинок цензуры, чтобы отстоять письма А. Тургенева.

Отношение Пушкина к французской литературе многообразно. От пассивного восприятия до творческого претворения в собственных произведениях в психологии художника лежит большой путь. Отношение Пушкина к французскому литературному материалу различно, будем ли мы учитывать только простое восприятие или какую-либо форму активной реакции, которая может выражаться и критическим отзывом и различными формами реминисценции, подражания, заимствования, вплоть до простого перевода.

Известно, что по объему своего чтения Пушкин был отнюдь не рядовым человеком своего времени. Начитанность его исключительна. Библиотека

* Обстоятельства весьма сильно содействовали успеху автора, и восторги, вызываемые его красивыми стихами, относились к героям Миссолунги столько же, сколько и к героям Фермопил.

его дает в общих чертах представление о круге его чтения. Характерно, что книги на французском языке, составляя больше половины библиотеки, превышали по количеству не только число книг на каком-нибудь отдельном другом языке (в том числе и русском), но и все иноязычные книги в сумме. Но книги его собственной библиотеки не исчерпывают всего прочитанного Пушкиным. Пушкин постоянно искал книги, брал их у знакомых, рылся в библиотеках и т. д. Так, в Петербурге Е. М. Хитрово постоянно поставляла ему газеты, журналы и новые романы, получавшиеся через ее зятя—Финкельмона, австрийского посланника. Среди книг библиотеки Пушкина находится французский перевод сочинений Гейне, доставленных Пушкину Финкельмоном; томы эти, как запрещенные политической цензурой, Пушкин не мог достать прямым путем. В книге находится записочка Финкельмона от 27 апреля 1835 г., свидетельствующая о происхождении этой «контрабанды». Повидимому, Пушкин пользовался услугами своих друзей, в частности, Соболевского и Александра Тургенева, для получения книг, которых не мог ему доставить книжный магазин Белизара. Вообще же непосредственных связей с Францией у Пушкина не было, хотя в числе его друзей и знакомых были люди, непосредственно близкие литературным кругам Франции и служившие посредниками между ним и французскими писателями. Таковым был Соболевский, через которого Пушкин сносился с Мериме; к числу таких же посредников, повидимому, принадлежал Элим Мещерский, пропагандировавший во Франции русскую литературу. В библиотеке Пушкина находится одна книга Антони Дешана, подаренная автором Элиму Мещерскому, а им переданная Пушкину⁶. Что касается непосредственных встреч Пушкина с французскими писателями, то следует назвать историка Баранта, находившегося в Петербурге в качестве французского посла. С ним Пушкин встречался; сохранилось письмо Пушкина к Баранту по вопросу об авторском праве в России (18 декабря 1836 г.). Наконец, следует упомянуть Леве-Веймара, с которым Пушкин встречался незадолго до дуэли.

Насколько Пушкин принимал близко к сердцу западную информацию о русской литературе, свидетельствует его письмо к Вяземскому по поводу приезда в Россию Ancelot: «Читал я в газетах, что Lancelot в Петербурге; черт ли в нем? Читал я также, что 30 словесников давали ему обед; кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и недосчитаюсь. Когда приедешь в Петербург, овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости ни стыда: при англичанах дурачим Василья Львовича; пред madame de Staël заставляем Милорадовича отличиться в мазурке» (27 мая 1826 г.). Когда в следующем году книга Ансело появилась в свет («Six mois en Russie»), он иронически упомянул о ней в «Мыслях и замечаниях», намекая на то, что Булгарин был источником информации автора, а в 1831 г., в «Торжестве дружбы», имел в виду именно его посещение обедов Булгарина, когда писал об А. А. Орлове: «Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках».

Как литературный критик, Пушкин редко выступал в печати. Из его статей, увидевших свет при его жизни, вопросов французской литературы касаются: «О г-же Сталь и г. А. М-ве» («Московский Телеграф», 1825), «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (там же), рецензия на сборники Сент-Бёва «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme»

и «Les Consolations» («Литературная Газета», 1831). Здесь Пушкин дает оценку романтической школе в лирике⁷. Особое значение имеет статья «Мнение Лобанова о духе словесности» («Современнику», 1836); здесь содержится защита французских романистов новой школы от политических нападок Лобанова. Но наибольшее значение для суждения о критических и историко-литературных взглядах Пушкина имеет оставшаяся в рукописи статья его «О ничтожестве литературы русской» (1834); для этой статьи он отчасти воспользовался отрывками из другой, не оконченной им статьи «О поэзии классической и романтической» (1825). Критические замечания Пушкина в несистематизированном виде встречаются в его переписке, в частности, в его письмах к Е. М. Хитрово, снабжавшей его французскими книгами. Эти замечания носят беглый характер и формулируют первые впечатления от прочитанного. Так как до нас не дошли письма Хитрово к Пушкину, то мы не всегда можем определить полное значение отзывов Пушкина, так как часто они являются лишь реакцией на высказывания Хитрово. Вообще же их следует расценивать иначе, нежели печатные отзывы, принимая во внимание их случайность (например, отзывы при возвращении книг) и интимность. По большей части это—результат первого, еще не проверенного впечатления.

Прежде чем перейти к обзору самого материала французской литературы, отразившегося в творчестве и отзывах Пушкина, остановимся еще на одном вопросе общего порядка: на вопросе о формах отражения литературного материала в творчестве.

Самой простой и прямой формой такого отражения является перевод. Пушкин не был переводчиком, и переводы в его стихах занимают незначительное место. Он не считал себя

Ни подражателем холодным,
Ни переводчиком голодным,
И ни поэтом милых дам...

Все эти категории он объединял под общей кличкой «смиранных поэтов» и «несчастливых глупцов». Это был удел мелких журнальных сотрудников, переводивших с французского обветшалые эпиграммы и апологи.

Конечно, это презрение к переводам следует ограничить. Далеко не всякий перевод Пушкин считал ремесленной работой. Он высоко ставил просветительное значение переводов, и там, где работа переводчика сочеталась с ученостью и добросовестным творческим трудом, переводы встречали со стороны Пушкина самую высокую оценку. Так, он приветствовал, как подвиг, перевод «Илиады», сделанный Гнедичем. В письме к Гнедичу от 27 июня 1822 г. Пушкин сам разграничил два класса переводов, говоря о Жуковском: «Мне досадно, что он переводит и переводит отрывками: иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура».

Среди переводных стихотворений самого Пушкина, разумеется, больше всего переведенных с французского. Вот приблизительный перечень этих переводов:

«Эвлега» (1814) из Парни; «Лаиса Венере» (1814) из Вольтера; «Супругою твоей...» (1814) из Ж.-Б. Руссо; «Старик» (1815) из Маро; «Морфей» (1816) из Парни; «Стансы» (1817) из Вольтера; «Сновидение» (1817) из Вольтера; «Уединение» (1818) из Арно; «Платоническая любовь» (1819) из Парни; «Недавно бедный Музульман...» (1821) из Сенесе; «Внемли, о Гелиос» (1823)